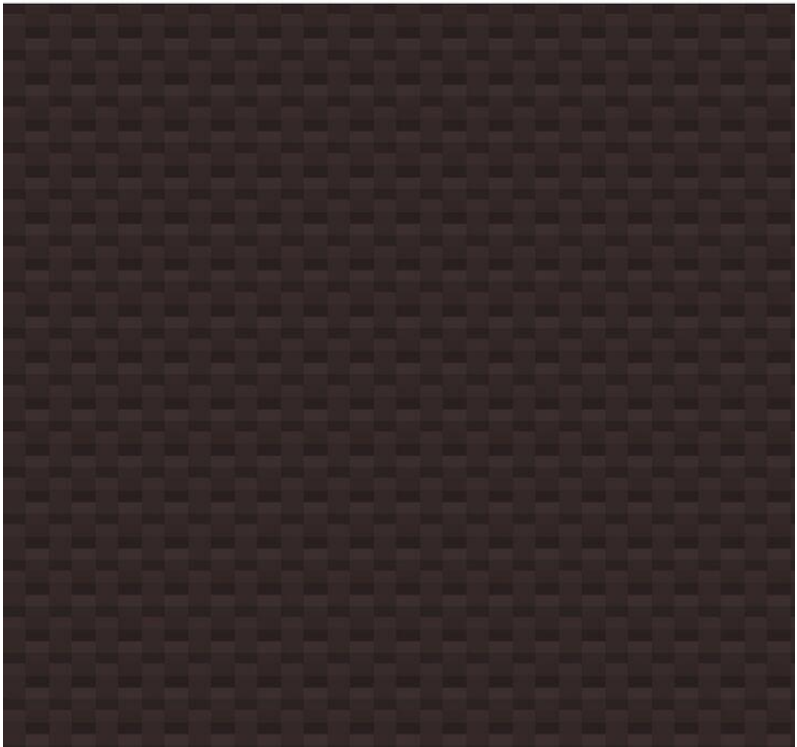
18+

VALERI D

ФОН



Valeri D
Фон

https://litres.ru/74150977
ISBN 9785007009003

Аннотация

Он — безымянный неудачник, чья жизнь сузилась до продавленного дивана, трещины на потолке в форме дельты Нила и запаха безнадёжности за триста рублей. Его единственный компаньон — старый кот, глядящий на хозяина с презрением потомственного аристократа и требующий лосося, которого в холодильнике отродясь не водилось. Его единственное достояние — четырнадцать жёстких правил, выведенных на обороте аптечного чека в минуту предельного отчаяния.

Содержание

ФОН 5
Глава 1 6
Хроника объявленного дивана 6
1 7
И замер 25
В дверь позвонили 27
Глава 2 30
1 31
2 35
3 40
4 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Фон

Valeri D

© Valeri D, 2026

ISBN 978-5-0070-0900-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ФОН

Первая часть большого художественного рассказа.

Глава 1

Хроника объявленного дивана

1

Он проснулся с мыслью, что подушка пахнет безнадежностью. Не той романтичной, кинематографичной безнадежностью, которую подают под соусом из джаза и осеннего дождя, где герой с волевым подбородком пьет кальвадос и смотрит в окно, за которым мокрая мостовая отражает огни большого города. Нет. Эта безнадежность была бюджетной, липкой и имела отчетливый химический оттенок пенополиуретана, который за три года эксплуатации научился впитывать запахи так, как губка впитывает разлитое пиво.

Подушка стоила триста рублей в гипермаркете на окраине. Она помнила еще слезы его кота — единственного живого существа, которое регулярно проявляло к нему хоть какие-то эмоции, пусть даже это были эмоции глубокого гастрономического отчаяния, вызванные переходом с корма премиум-класса на смесь из гречки и рыбных консервов. Кот, кстати, сидел сейчас в углу комнаты и смотрел на него с тем особым выражением кошачьей морды, которое безошибочно читается как: «Ты серьезно собираешься и дальше лежать, или мы все-таки пошевелимся в сторону холодильника, ничтожество?»

Человек перевернулся на другой бок. Диван под ним из-

дал звук, похожий на предсмертный вздох старого контрабаса. Этот диван был свидетелем многих его поражений. Он помнил, как три года назад на нём было принято решение «начать новую жизнь с понедельника». Понедельник, как водится, наступил, но жизнь осталась старой — она просто переехала с дивана на кухонный табурет и обратно, ни разу не выйдя за пределы квартиры, которую риелтор когда-то оптимистично назвал «студией с авторским ремонтом». Автор ремонта, судя по криво приклеенным обоям и розетке, висящей на соплях из изоленты, явно страдал либо тяжелым похмельем, либо экзистенциальным кризисом, либо и тем и другим одновременно.

За окном занималось утро. Солнце, как ни странно, все еще всходило, несмотря на полное отсутствие у него, у солнца, каких-либо причин это делать. Оно светило одинаково старательно и на золотые шпили бизнес-центров, и на облупленный подоконник его квартиры, за которым лежал человек, чей главный жизненный план на сегодня заключался в том, чтобы дотянуться до пульта, не потревожив при этом кота.

Мечтаешь? Делай. Или молчи.

Эта фраза всплыла в голове не сама по себе. Она была частью того внутреннего свода правил, который он составил

для себя пару лет назад, после особенно унизительного случая в очереди за бесплатной шаурмой на открытии новой точки. Свод этот, написанный на обратной стороне чека из аптеки, давно потерялся, но пункты врезались в подкорку, как застрявшая в зубе кожура от семечек — не смертельно, но постоянно напоминает о себе.

Он лежал и мечтал. Мечтал о крутой тачке. О своем бизнесе. О том, как он войдет в зал, полный людей, и все они обернутся. Не потому, что он будет в дорогом костюме. Не потому, что от него будет пахнуть парфюмом с феромонами. А потому что от него будет исходить та неуловимая аура успеха, которая заставляет даже самых циничных официантов спрашивать: «Вам как обычно, сэр?» — даже если ты зашел в это заведение впервые.

Он мечтал с той же интенсивностью, с какой мечтает школьник перед экзаменом: ярко, красочно, до дрожи в коленках, но с твердой внутренней уверенностью, что реальность наступит ровно через пять минут и даст подзатыльник.

Будильник в телефоне запищал снова. Мелодия была стандартной — что-то бодрое, с ксилофоном, созданное явно для того, чтобы пробуждать в людях желание бежать навстречу новому дню. В его случае она пробуждала желание выкинуть телефон в окно. Но выкидывать было нельзя —

телефон был единственным средством связи с внешним миром, который, впрочем, звонил ему примерно раз в полгода, и то, как правило, с предложением взять кредит или пройти флюорографию.

Он выключил звук и уставился в потолок. Там была трещина. Она шла от угла к центру, разветвляясь на три рукава, и напоминала дельту Нила, если бы Нил протекал по бетонной пустыне, заселенной исключительно пылевыми клещами и его несбывшимися надеждами. Рядом с трещиной желтело пятно от протечки — соседи сверху, видимо, снова забыли выключить кран, или, что более вероятно, просто не заметили, что их ванна переливается, потому что были слишком заняты подсчетом денег, которых у них, судя по звукам ремонта, было значительно больше, чем у него.

Если ты беден — ты никому не интересен.

Это правило он усвоил не сразу. Оно въедалось в него постепенно, как сырость в стены старого дома. Сначала исчезли звонки от друзей, с которыми он когда-то учился в институте. Потом перестали приглашать на дни рождения. Затем даже в общих чатах его сообщения начали оставаться без ответа — алгоритмы мессенджеров, кажется, сами понимали, что человек без аватарки премиум-класса и без фото из ресторанов не представляет ценности для групповой динами-

ки.

Он помнил, как однажды встретил бывшего однокурсника в торговом центре. Тот был в костюме, который стоил больше, чем вся мебель в его квартире, вместе с котом и остатками гречки. Однокурсник узнал его, улыбнулся, даже похлопал по плечу, но в глазах у него читалось то самое, неуловимое: «Ты все еще здесь? Я думал, ты уже выбился в люди или, на худой конец, сгинул в провинции». Разговор продлился ровно минуту сорок секунд. Потом однокурсник посмотрел на часы — жест, который говорит больше, чем тысяча слов, — и сказал, что ему надо бежать на «очень важную встречу». Человек не обиделся. Он понимал законы физики: тела с разной социальной массой не могут долго находиться на одной орбите. Его гравитация была слишком слабой, чтобы удержать рядом кого-то, чья жизнь вращалась вокруг бизнес-ланчей и корпоративных выездов на Бали.

Он снова посмотрел на кота. Кот не смотрел на него. Кот демонстративно вылизывал лапу, давая понять, что даже в животном мире есть иерархия, и человек, который не может обеспечить своему питомцу достойный корм, находится где-то на уровне придонной рыбы-капли.

— Ладно, — сказал он вслух, и голос его прозвучал хрипло, как несмазанная дверная петля. — Сегодня я что-нибудь

придумаю.

Кот на секунду прервал свое занятие и посмотрел на него с выражением, которое можно было бы описать как «О, да неужели? Прямо сегодня? А как же вчерашний план понежиться до обеда?».

Человек встал. Это было первое его достижение за день. Если бы существовала биржа достижений, акции «Вставание с дивана» взлетели бы до небес, потому что спрос на них был, а предложение — крайне ограниченным.

Он прошлепал босыми ногами на кухню. Кухня была продолжением его жизненной философии — компактной, но вмещающей в себя максимум беспорядка при минимуме полезного пространства. На плите стояла кастрюля с остатками позавчерашних макарон. Они выглядели как экспонат музея неудачных кулинарных экспериментов — слипшиеся, бледные, с вкраплениями засохшего кетчупа, который он добавил в порыве гастрономического отчаяния.

Он открыл холодильник. Тот встретил его тусклым светом и запахом одинокого огурца, который, кажется, начал процесс эволюции в сторону разумной плесени. На дверце холодильника висел магнит с надписью «Живи, мечтай, люби». Магнит был подарен кем-то из бывших коллег на Новый год,

когда у него еще была работа. Он смотрел на эту надпись каждый день, и каждый день она казалась ему все более издевательской. «Живи» — окей, он вроде бы дышит. «Мечтай» — с этим проблем нет, мечтатель из него хоть куда. «Люби» — вот тут возникали сложности, потому что для любви нужен хотя бы минимальный ресурс, а его ресурс сейчас измерялся в пачках гречки и остатках на мобильном счете.

Ты — причина своих побед и поражений.

Он достал огурец, осмотрел его критическим взглядом, вздохнул и положил обратно. Огурец не заслужил такой участи. Огурец, в конце концов, просто лежал и ждал, пока его съедят или пока он естественным образом превратится в жидкость, что, учитывая темпы жизни в этой квартире, было наиболее вероятным сценарием.

Человек налил себе воды из-под крана. Вода была хлорированной, но зато бесплатной, и это было ее главным достоинством. Он пил ее и думал о том, как странно устроен мир. Ты можешь быть умным, начитанным, с хорошим чувством юмора, но, если твой банковский счет выглядит как шутка, которую никто не понял, ты автоматически переходишь в разряд «фона». Не в том смысле, что ты служишь декорацией для чьей-то жизни. А в том, что тебя просто не замечают. Ты — шум, белый шум, который мозг успешного

человека отфильтровывает, чтобы не тратить драгоценные калории на обработку бесполезной информации.

Ты либо лидер, либо фон.

Он вспомнил, как в школе на уроках физкультуры всегда стоял в конце шеренги. Не потому, что был самым низким. Просто капитаны команд выбирали игроков, и его имя называли последним, когда выбор уже был сделан, и оставалось только одно вакантное место, которое занимали с той же радостью, с какой берут в команду хромую лошадь на скачках. Тогда это казалось досадным недоразумением. Теперь он понимал — это была репетиция взрослой жизни. Только во взрослой жизни тебя не просто выбирают последним, а вообще не включают в список.

Он допил воду и поставил стакан на стол. Стакан оставил мокрый круг на поверхности, к которой прилипла крошка от хлеба. Крошка была одинока и печальна, как и он сам.

Внезапно телефон завибрировал.

Он вздрогнул так, будто это был не звонок, а сигнал воздушной тревоги. Вибрация прошла по столешнице и отдалась в его грудной клетке где-то в районе диафрагмы. Он посмотрел на экран. Звонил друг детства. Тот самый, с ко-

торым они когда-то лазили по гаражам, воровали яблоки в соседском саду и мечтали стать космонавтами. Теперь этот друг был не просто другом. Он был владельцем небольшого, но стабильного бизнеса — сети точек по продаже шаурмы, которую он, с присущей ему предпринимательской хваткой, переименовал в «Средиземноморский лаваш» и нанял дизайнера, чтобы тот нарисовал логотип с оливковой ветвью.

Человек ответил.

— Алло?

— Здорово! — голос в трубке звучал бодро, даже слишком бодро для десяти утра. Так звучат люди, которые уже успели выпить свой утренний смузи, пробежать пять километров и провести две деловые встречи, пока ты только размышлял, стоит ли менять позу на диване с «эмбриона» на «морскую звезду». — Слушай, дело есть. Ты как, в теме еще? Дизайн там, все такое?

Человек хотел сказать: «Да, конечно, я профи, я только что закончил мысленный проект для „Мерседеса“», но вместо этого промычал что-то неопределенное.

— Короче, — продолжал друг, — мне тут лендинг запилить надо. Ну, страничку такую, для доставки. Чтобы прям

вау-вау, и люди заказывали. Помнишь, ты раньше сайты делал? По-дружески а? Там делов-то на пару часов. Я б тебе по гамбургеру с тебя при встрече.

В трубке раздался смешок. Человек не засмеялся. В его голове в этот момент происходила сложная аналитическая работа, на которую его мозг, измученный недоеданием и просмотром видео про котиков, был едва способен.

Люди ищут выгоду, даже в дружбе.

Раньше он бы согласился. Не раздумывая. Потому что «друг попросил», потому что «надо помогать», потому что «когда-нибудь и он мне поможет». Но «когда-нибудь» не наступало никогда. Оно было как горизонт — чем ближе подходишь, тем дальше отодвигается. А он тем временем тратил свои вечера, свои нервы, свое электричество на то, чтобы очередной «друг детства» сэкономил пять тысяч рублей на фрилансере.

И главное — он понимал, почему звонят именно ему. Не потому, что он гениальный дизайнер. Не потому, что его работы вызывают слезы умиления у заказчиков. А потому что он беден. И бедность, как магнит, притягивает предложения поработать «за идею», «за отзыв» или «за гамбургер». Если ты беден — ты никому не интересен как личность, но чер-

товски интересен как бесплатная рабочая сила. Твоя цена на рынке труда равна нулю, и это не метафора, а суровая реальность.

— Я стою денег, — сказал он. Голос его прозвучал ровно, но внутри все дрожало, как натянутая струна. Это была самая дорогая фраза, которую он произнес за последние полгода. Дорогая не по деньгам, а по внутренним затратам.

В трубке повисла пауза. Она была настолько плотной, что, казалось, ее можно резать ножом и подавать к пиву как закуску. Он слышал дыхание друга. Он слышал, как в этом дыхании происходит перерасчет экономической целесообразности их дружбы. Друг детства, владелец «Средиземноморского лаваша», сейчас производил в уме простую операцию: «Затраты на дизайнера со стороны» минус «Выгода от бесплатной работы приятеля». Разница, очевидно, была положительной, но не настолько, чтобы разрушать многолетние отношения.

— Э-э-э… Ну ты это… Понял, — наконец произнес голос в трубке, и в нем уже не было той бодрости. Появилась нотка легкого разочарования, смешанного с уважением. Так реагирует продавец на рынке, когда покупатель вдруг начинает торговаться, хотя всю жизнь брал по первой цене. — Ладно, я тогда на бирже найду. Там индусы за копейки делают. Вре-

мя не ждет, сам понимаешь!

Он понимал. Он понимал это лучше, чем кто-либо.

Мир не будет ждать, пока ты решишься.

Пока ты лежишь на диване и размышляешь о тщетности бытия, где-то индус по имени Раджеш уже открыл Photoshop и делает лендинг для «Средиземноморского лаваша». Мир не остановится, не замедлится, не даст тебе фору. Он пронесется мимо с воем реактивного двигателя, оставив тебя стоять на обочине с открытым ртом и невысказанными претензиями к вселенной.

Телефон погас. Разговор был окончен. Человек положил трубку на стол и посмотрел на нее так, будто она была живым существом, которое только что подтвердило все его самые мрачные догадки о природе человеческих отношений.

Кот, сидевший все это время на подоконнике, спрыгнул и подошел к миске. Миска была пуста. Кот посмотрел на человека долгим, пронзительным взглядом, который говорил: «Видишь? Даже я ищу от тебя выгоду. Я не люблю тебя за твою прекрасную душу. Я люблю тебя за то, что ты открываешь холодильник. И если ты перестанешь это делать, я найду другого человека, который будет открывать холодильник

чаще и с лучшим содержимым».

Никто не обязан тебя любить.

Человек насыпал коту остатки корма. Кот понюхал, чихнул и начал есть с таким видом, будто делал ему величайшее одолжение.

Он вернулся в комнату и снова лег на диван. Но что-то изменилось. Внутри него зашевелилось нечто, давно забытое. Это не было вдохновением в классическом понимании. Скорее, это было раздражение. Глухое, вязкое раздражение на себя, на кота, на индуса Раджеша, на весь этот мир, который устроен так несправедливо, но при этом не обещал быть справедливым.

Справедливости нет. Адаптируйся.

Он взял телефон и открыл заметки. Пальцы сами начали набирать текст. Сначала медленно, потом все быстрее. Он писал не лендинг для шаурмы. Он писал о том, что чувствует прямо сейчас. О том, как это — быть пустым местом. О том, как пахнет безнадежность за триста рублей. О том, как кот смотрит на тебя с превосходством потомственного аристократа, хотя сам жрет гречку с килькой.

Он писал с сарказмом. С таким едким, беспощадным сарказмом, который рождается только на дне отчаяния, когда тебе уже нечего терять, кроме остатков самоуважения, да и те уже давно проедены молью. Он высмеивал себя, свои мечты, свои неудачи, свои оправдания.

Жаловаться — терять уважение.
Результаты важнее оправданий.

Поэтому он не жаловался. Он просто констатировал факты. Он превращал свою боль в юмор, потому что это был единственный доступный ему способ переработки реальности. Если жизнь подсовывает тебе лимоны, а сахара нет, можно хотя бы сделать вид, что это лимонад, и угостить им окружающих.

Через час текст был готов. Он перечитал его и усмехнулся. Получилось смешно. Действительно смешно. Так смешно, как может быть смешна только абсолютная, беспросветная правда, вывернутая наизнанку.

Он зарегистрировался на одной из тех платформ, где люди выкладывают свои мысли в надежде, что кто-то их прочитает. Название платформы не имело значения — все они в конечном счете превращаются в кладбище нереализованных амбиций, но иногда, очень редко, на этом кладбище случа-

ются воскрешения.

Он нажал «Опубликовать».

Телефон тихо пиликнул, подтверждая, что его мысль теперь является частью глобальной сети. Где-то в дата-центре, напичканном серверами, зажглась еще одна лампочка. Лампочка, соответствующая его тексту. И эта лампочка потребляла электроэнергии ровно на доли цента, но для него она стоила целого состояния, потому что это был первый шаг, сделанный не в сторону холодильника и не в сторону дивана.

Он встал и пошел варить пельмени. Пельмени были единственным блюдом, которое он готовил с уверенностью профессионала. Они не требовали вдохновения, не требовали дисциплины, они просто кипели в воде и становились съедобными. Это был идеальный продукт для человека, находящегося в перманентном состоянии экзистенциального ступора.

Пока вода закипала, он думал о правиле, которое записал самым первым в своем воображаемом кодексе.

Без дисциплины ты — пустое место.

Он всегда думал, что «пустое место» — это нейтрально.

Ну, место и место. Никому не мешает, никого не трогает. Но со временем он понял, что пустое место — это то, что заполняют другие. Твою пустоту занимают чужими планами, чужими желаниями, чужими проблемами. Ты становишься контейнером для чужого мусора, потому что свой у тебя нет, и ты даже не можешь сказать «нет», потому что у пустоты нет голоса.

Тебя используют, пока ты молчишь.

Он перестал молчать. Не в смысле, что начал орать на прохожих. Он просто перестал соглашаться на роль бесплатного приложения к чужой жизни. Он сказал «я стою денег» человеку, который привык получать от него все бесплатно. И это было началом.

Пельмени сварились. Он съел их прямо из кастрюли, стоя у окна и глядя на серое небо, которое обещало дождь, но, как обычно, обманывало. Дождь в этом городе был таким же редким явлением, как и справедливость. Он либо шел не вовремя, либо не шел вообще, заставляя людей задыхаться в пыли и разочаровании.

Кот подошел и потерся о его ногу. Это был знак. Не знак любви, конечно. Скорее, знак того, что пельмени пахнут мясом, а мясо интересует кота больше, чем все экзистенциаль-

ные кризисы его хозяина вместе взятые. Человек бросил коту пельмень. Кот понюхал, лизнул и отошел с выражением глубокого оскорбления на морде. Пельмени были дешевыми, и кот это почувствовал.

— Извини, — сказал человек коту. — Будет у нас когда-нибудь и лосось.

Кот не ответил. Он запрыгнул на диван и улегся точно на то место, где обычно лежала голова человека. Это был жест захвата территории. В мире, где нет справедливости, кот адаптировался быстрее.

Человек вымыл кастрюлю. Это заняло ровно полторы минуты, но почему-то казалось, что прошла вечность. Время в его квартире текло по своим законам — то растягивалось, как жевательная резинка, прилипшая к подошве, то сжималось в точку, оставляя после себя только смутное ощущение, что день прошел, а ничего не сделано.

Время не вернётся. Используй его.

Он сел за ноутбук. Тот самый допотопный агрегат, который загружался с таким звуком, будто внутри него работала миниатюрная лесопилка имени Стаханова, перемалывающая не бревна, а его терпение. Экран загорелся тусклым,

мертвенным светом, и на рабочем столе появилась иконка браузера.

Он открыл платформу, на которой опубликовал текст.

И замер

Текст жил. У него было двести тридцать семь просмотров. Сорок два лайка. И — самое удивительное — одиннадцать комментариев. Одиннадцать реальных людей потратили свое время на то, чтобы написать что-то в ответ на его поток сознания.

«Чувак, это гениально. Ты описал мою жизнь. Я тоже лежу на диване, и мой кот тоже меня презирает. Как ты это делаешь???»

«Сарказм уровня „бог“. Подписался. Жду еще.»

«Ты случаем не мой бывший коллега? У нас в офисе такой же диван стоял в курилке, и пахло от него так же безнадежно.»

«Никогда не думал, что философию неудачника можно читать с таким удовольствием. Снимаю шляпу, хоть ее и нет.»

Он читал и чувствовал, как внутри что-то оттаивает. Нет, это не была радость в чистом виде. Это было что-то более сложное. Удивление, смешанное с подозрением. Неуже-

ли его внутренний монолог, который он считал своим личным проклятием, оказался кому-то интересен?

Результаты важнее оправданий.

Вот они, результаты. Скромные, микроскопические по меркам большого интернета, но реальные. Осязаемые. Кто-то потратил время, чтобы прочитать его текст. Кто-то улыбнулся. Кто-то узнал себя. Это было больше, чем он получал за последние несколько месяцев лежания на диване.

Он не стал отвечать на комментарии сразу. Он просто смотрел на цифры и думал. Думал о том, что мир, возможно, не так уж и безнадежен. Или, точнее, безнадежен, но эта безнадежность, будучи правильно упакованной в слова и сдобренной сарказмом, может стать товаром. А товар — это уже что-то. Товар — это не пустое место. Товар имеет цену.

В дверь позвонили

Человек вздрогнул. Звонок в его дверь был событием настолько редким, что по степени неожиданности мог сравниться разве что с выигрышем в лотерею. Он подошел к двери и посмотрел в глазок.

На лестничной клетке стояла соседка. Женщина лет пятидесяти, с лицом, которое выражало вечную озабоченность состоянием мусоропровода и уровнем шума после одиннадцати вечера. Она держала в руках какую-то бумажку.

Он открыл дверь.

— Здравствуйте, — сказала соседка тоном, не предвещавшим ничего хорошего. — Вот, квитанция за капремонт. Вы за три месяца не платили. Ознакомьтесь.

Он взял бумажку. Сумма была небольшой по меркам человека с работой, но для него она была равна примерно годовому бюджету на пельмени.

— Я оплачу, — сказал он, хотя понятия не имел, откуда возьмутся деньги.

Соседка посмотрела на него так, как смотрят на человека, который говорит «я оплачу» уже в пятый раз, но при этом у него в квартире до сих пор стоит запах безнадежности за триста рублей.

— Вы бы, это, — она замялась, — может, вам работу найти? Там, курьером. Или грузчиком. Деньги-то нужны.

Это был совет, данный из лучших побуждений. Но именно такие советы ранят больнее всего. Потому что они подчеркивают твое положение. Ты настолько очевидно беден и бесполезен, что даже соседка, которая видит тебя раз в месяц у лифта, считает своим долгом напомнить тебе о том, что ты никто.

Он закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Квитанция в руке слегка подрагивала.

Ты — причина своих побед и поражений.

Не соседка. Не друг детства. Не отсутствие работы. Он сам. Он сам загнал себя в эту яму. Он сам лежал на диване и ждал, что мир изменится. Но мир не меняется для тех, кто лежит. Мир меняется для тех, кто встает и идет.

Он вернулся к ноутбуку. Текст набрал еще полсотни про-

смотров и три комментария. Один из них был от человека, представившегося редактором небольшого онлайн-журнала.

«Слушайте, у вас отличный слог. Не хотите написать для нас колонку? Платим немного, но зато регулярно. Если интересно, напишите мне на почту.»

Человек перечитал это сообщение трижды. Сначала он подумал, что это спам. Потом — что это розыгрыш. Потом — что это знак.

Мечтаешь? Делай. Или молчи.

Он открыл почту и начал писать ответ.

Глава 2

Первый контракт с дьяволом, или почему редактор не обязан быть человеком

1

Он писал ответное письмо редактору сорок семь минут. Это было больше времени, чем он потратил на сам текст, собравший первые лайки. Но одно дело — излить душу в пустоту, где твои слова либо утонут, либо всплывут по воле алгоритмов, и совсем другое — написать деловое письмо человеку, который, возможно, платит деньги. Настоящие. Живые. Те самые, на которые можно купить не только пельмени, но и, страшно представить, сыр.

Он переписывал тему письма шесть раз. «Сотрудничество» — слишком пафосно, как будто он корпорация. «Насчет колонки» — слишком фамильярно. «Ответ на предложение» — сухо, как квитанция за капремонт, которая все еще лежала на столе и гипнотизировала его цифрами. В итоге он остановился на лаконичном «Про колонку», решив, что редактор — человек занятой и оценит краткость.

Текст самого письма тоже дался нелегко. Он хотел казаться профессионалом, но при этом не выглядеть отчаянным. Хотя, по правде говоря, он был отчаянным. Его отчаяние можно было разливать по бутылкам и продавать как энергетик для тех, кому не хватает мотивации встать с дивана. Но он понимал: если ты беден — ты никому не интересен,

и единственный способ заинтересовать — это притвориться, что ты не так уж и беден, а просто находишься в творческом поиске.

«Здравствуйте. Ваше предложение заинтересовало меня. Готов обсудить детали. Примеры моего стиля вы уже видели. Жду условий.»

Он нажал «Отправить» и тут же пожалел. Показалось, что слово «заинтересовало» звучит высокомерно. Надо было написать «очень заинтересовало». Или «чертовски заинтересовало». Или вообще без этого — просто «Готов обсудить». Но было поздно. Письмо улетело в цифровую бездну, и теперь оставалось только ждать.

Ожидание — худшая из пыток для человека, у которого нет других занятий. Время не вернётся. Используй его. Он знал это правило. Знал наизусть, как таблицу умножения, которую, кстати, помнил с трудом. Но знание и действие — две разные галактики, разделенные пропастью под названием «лень».

Он решил использовать время продуктивно. Например, убраться в квартире. Это было грандиозное решение, сравнимое по масштабу с планом пятилетки. Он даже встал с дивана и сделал два шага в сторону пылесоса. Пылесос стоял в

углу уже полгода и выполнял функцию подставки для пакета с мусором, который было лень выносить. Сам пакет уже начал источать легкий, но настойчивый аромат, напоминающий о бренности бытия.

Он посмотрел на пылесос. Пылесос посмотрел на него. В этом взгляде читался немой укор всех неиспользуемых вещей. Тостер, который он купил в порыве кулинарного энтузиазма и использовал ровно один раз. Книга по саморазвитию, лежащая на тумбочке с закладкой на третьей странице. Абонемент в спортзал, оформленный год назад «для новой жизни» и активированный ровно ноль раз. Все эти предметы были физическим воплощением правила «Без дисциплины ты — пустое место». Они кричали об этом молча, и их молчание было громче любого крика.

Он не стал включать пылесос. Вместо этого он сел обратно на диван и открыл ноутбук, чтобы проверить почту. Прошло четыре минуты с момента отправки письма. Ответа, разумеется, не было. Мир не вращается вокруг тебя, напомнил он себе. Мир не будет ждать, пока ты решишься. Редактор, вероятно, сейчас пьет кофе, сваренный в дорогой кофемашине, и даже не думает о нем. И это нормально. Нормально, но обидно.

Кот, наблюдавший за этими душевными метаниями с под-

оконника, зевнул. Его зевок был полон философского смысла. «„Ты суетишься, человек“, — говорил этот зевок. — Ты ждешь ответа от какого-то невидимого существа в интернете, в то время как я, кот, живу здесь и сейчас. И прямо сейчас я хочу жрать. Но ты даже этого не можешь мне обеспечить на достойном уровне. Так о каком успехе ты мечтаешь?»

Он понял этот зевок правильно. Он встал и насыпал коту корм. На этот раз добавил немного консервов, которые берег для особого случая. Особый случай, видимо, наступил — он отправил письмо.

2

Ответ пришел через два часа семнадцать минут. Он знал точное время, потому что обновлял страницу почты с частотой, которая грозила перерасти в обсессивнокомпульсивное расстройство. Письмо было коротким, как выстрел:

«Привет. Условия: 500 рублей за колонку, объем 20003000 знаков, темы согласовываем. Первый материал — „Почему быть неудачником — это нормально, но дорого“. Дедлайн — завтра в 12:00. Справишься?»

Пятьсот рублей. Он перечитал эту цифру несколько раз. Пятьсот рублей — это примерно семь пачек пельменей. Или три килограмма гречки. Или полторы поездки на такси в аэропорт, который ему все равно не нужен. Но это были реальные деньги. Заработанные его головой, а не руками, которые он не хотел прикладывать ни к чему, кроме клавиатуры.

Результаты важнее оправданий. У него появился шанс получить результат. Маленький, смешной по меркам большого бизнеса, но результат. И он не собирался упускать его ради оправданий вроде «у меня нет вдохновения» или «я устал лежать на диване».

Он написал ответ сразу же, боясь, что, если промедлит хотя бы минуту, редактор передумает и найдет другого неудачника, который напишет ту же колонку, но за четыреста рублей.

«Справлюсь. Тема отличная. К 12:00 будет.»

Мечтаешь? Делай. Или молчи. Он перестал молчать и начал делать. По крайней мере, пообещал сделать, что в его системе координат было уже огромным шагом вперед.

Он открыл новый документ и уставился на мигающий курсор. Курсор мигал с издевательской регулярностью, как будто отсчитывал секунды до дедлайна. «Почему быть неудачником — это нормально, но дорого». Тема была настолько его, что он даже растерялся. О чем писать? О том, как дорого обходится бесплатная доставка пельменей при заказе от тысячи рублей, которую ты все равно не можешь себе позволить? О том, что дешевая обувь разваливается через месяц, а дорогая — через год, но зато ты ходишь как человек, а не как жертва гуманитарной катастрофы? О том, что бесплатные консультации у врача по ОМС заканчиваются тем, что ты сидишь в очереди три часа, а потом тебе выписывают рецепт на лекарство, которое стоит половину твоей месячной аренды?

Он начал писать. Сначала медленно, подбирая слова, как голодный подбирает крошки со стола. Потом быстрее. Пальцы сами находили нужные клавиши, а мозг генерировал саркастические метафоры с той же легкостью, с какой его соседи сверху генерировали шум по ночам.

«Быть неудачником — это дорого. Очень дорого. Вы думаете, бедность экономит деньги? Ха. Хаха. Хахаха три раза. Бедность — это самый дорогой абонемент в мире. Вы платите за него каждый день, просто не замечая. Дешевые ботинки, которые нужно менять каждый сезон. Дешевая еда, которая через пять лет аукнется гастритом и походами к платному гастроэнтерологу, потому что бесплатный скажет „пейте ромашку“ и отправит умирать. Дешевое пиво по пятницам, которое превращается в дорогое похмелье в субботу и полную потерю воскресенья — дня, который вы могли бы потратить на что-то полезное, например, на лежание на диване с пользой для души, а не для печени…»

Он писал и не замечал, как летит время. Впервые за долгие месяцы он не думал о том, что надо бы встать и проверить, нет ли в холодильнике чего-то съедобного, кроме огурца мутанта. Он был полностью погружен в процесс. Это было похоже на медитацию, только вместо мантры «ом» он повторял про себя «не облажайся, не облажайся, не облажайся».

Кот, удивленный такой активностью, подошел и запрыгнул на стол. Он прошелся по клавиатуре, добавив в текст строку «7777777777777xxxxxxзззззз», что придало колонке неожиданный авангардный оттенок. Человек аккуратно снял кота и поставил на пол. Кот оскорбился и ушел в коридор демонстративно громко цокать когтями по линолеуму.

К полуночи текст был готов. Две тысячи восемьсот знаков чистейшего, концентрированного сарказма, разбавленного экзистенциальной тоской и щепоткой самоиронии. Он перечитал его дважды, исправил три опечатки и одну фактическую ошибку (он написал, что пачка гречки стоит как крыло самолета, но потом проверил и понял, что сильно преуменьшил). Он сохранил файл под названием «Неудачник_финал_последний_точно_финал.docx» и отправил редактору.

Ответ пришел почти мгновенно, что было странно для полуночи.

«Прочитал. Смешно. Пойдет. Деньги скину завтра после публикации. Готовь следующую тему: „Офисный планктон: почему мы ненавидим опенспейс, но молчим в чате с начальником“. Дедлайн — послезавтра.»

Он выдохнул. Не заметил, что все это время не дышал.

Или дышал, но как-то неправильно, поверхностно, как дышит рыба, выброшенная на берег и вдруг обнаружившая, что может прожить без воды еще немного.

Пятьсот рублей. Завтра у него будет пятьсот рублей. И еще пятьсот послезавтра. Это была не финансовая стабильность, конечно. Это была финансовая рябь на поверхности огромного океана его долгов. Но рябь — это уже движение. А движение — это жизнь.

Ты — причина своих побед и поражений. Сегодня он был причиной маленькой победы. Очень маленькой. Микроскопической. Но его собственной.

3

Утро началось с того, что кот наступил ему на лицо. Это был не акт агрессии, а скорее способ коммуникации. Кот хотел есть, и его не волновало, что человек лег спать в четыре утра, переполненный творческим возбуждением и страхом перед будущим. Коту было плевать на творческое возбуждение. Кот хотел жрать. Никто не обязан тебя любить. Особенно кот.

Он встал, покормил животное, выпил растворимый кофе, который по вкусу напоминал жидкость для снятия лака, но бодрил хотя бы своей горечью. Потом проверил телефон.

Колонка была опубликована.

Он нашел ее на сайте журнала. Она висела где-то в разделе «Мнения» между статьей о пользе медитации для топ-менеджеров и рецептом смузи из сельдерея. Его текст выглядел чужеродно, как бомж на светском рауте. Но он был там. Его слова. Его мысли. Его сарказм.

Под колонкой было семь комментариев. Он боялся их читать. Жаловаться — терять уважение, но читать комментарии — это отдельный вид мазохизма, который он пока не

был готов практиковать. Он все же прочитал.

«Автор, вы описали мою жизнь. Я плакал и смеялся. В основном плакал, потому что денег на смех нет.»

«Очередной нытик. Иди работать, а не пиши в интернете.»

«Господи, как точно. Дешевые ботинки — это вообще моя боль. Купил в прошлом году за 800 рублей, через месяц подошва отклеилась. Пришлось клеить суперклеем. Суперклей стоил 150 рублей. Итог: 950 рублей и ботинки, которые все равно промокают.»

«А мне понравилось. Жду продолжения про офисный планктон. Я как раз планктон, и мне интересно, что вы про нас напишете.»

«Пятьсот рублей за такой текст? Редакция, вы серьезно? Автор, вас грабят.»

Последний комментарий задел его сильнее, чем он ожидал. Да, его грабили. Он знал это. Пятьсот рублей за две тысячи знаков — это не гонорар, это подачка. Но это была его подачка. Его первая подачка, заработанная не физическим трудом, а работой мозга, который он считал своим

единственным конкурентным преимуществом, хотя иногда сомневался и в этом.

Справедливости нет. Адаптируйся. Рынок диктует цены. Ты можешь либо согласиться и начать с нуля, либо отказаться и остаться на нуле. Он выбрал первое.

Через час на карту упало уведомление. «Зачисление 500 руб.» Он смотрел на эти цифры так, как археолог смотрит на древний артефакт. Это были его деньги. Не занятые у соседа. Не подаренные мамой на день рождения. Не выигранные в лотерею (он не играл, потому что считал лотереи налогом на глупость, а глупость у него и так была в избытке). Это были заработанные деньги.

Он тут же потратил их мысленно: двести на корм коту (премиум, с лососем, чтобы кот перестал смотреть на него как на пустое место), триста на продукты себе. Но тратить мысленно и тратить реально — две разные вещи. Дисциплина. Он решил не тратить ничего, пока не накопит хотя бы на оплату того самого капремонта, чтобы соседка перестала смотреть на него с укоризной.

Он открыл ноутбук и начал писать вторую колонку. Про офисный планктон. Эта тема была ему близка, хотя он никогда не работал в настоящем офисе открытого типа. Но

он смотрел фильмы, читал форумы и обладал достаточным воображением, чтобы представить себе этот ад. Опенспейс, где все слышат, как ты жуешь яблоко. Где начальник сидит в стеклянном аквариуме и наблюдает за тобой, как за подопытной мышью. Где корпоративная культура требует улыбаться, даже когда тебе хочется повеситься на проводе от мышки.

Он писал и чувствовал, как внутри закипает что-то похожее на азарт. Ты либо лидер, либо фон. В мире офисного планктона он, возможно, и был бы фоном — серой амебой в углу опенспейса. Но в мире текстов, которые он создавал, он был лидером. Диктатором. Богом маленькой вселенной, состоящей из букв и знаков препинания.

К полудню вторая колонка была готова. Он отправил ее редактору и получил в ответ смайлик с поднятым пальцем. Видимо, это означало одобрение. Или редактор просто был занят и не хотел тратить время на слова. Время не вернётся. Используй его. Редактор явно следовал этому правилу лучше, чем он.

4

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.